

нормативности идею глобализации как синтеза легитимности Природного и Космического порядков с легитимностью экзистенциально-бытийных ценностей человека. В понятие «глобализация» включается экологическая составляющая, что создает основу для новой социокультурной парадигмы – антропоэкологической, смягчающей антагонизм экологизма и антропоцентризма.

Глобализация инициирует векторную компоненту мирового хозяйства – информационное общество. Реалии информационного общества требуют собственного методологического инструментария, одним из наиболее перспективных в котором выступает компаративный анализ типологий модернизации.

Глобализация и информатизация общества ведут к появлению новых страт предпринимателей: менеджеров-глобализаторов, «виртуальных воротничков» и других. Деятельность субъектов фондового рынка в информационном обществе постепенно переходит в виртуальную сферу, и это, разумеется, не может не отражаться на личностных параметрах этих субъектов. И это те факты, которые требуют более пристального рассмотрения современных ученых. Но это потребует интеграции целого ряда научных дисциплин, таких как экономика, философия, психология, социология и лингвистика. Самая большая сложность – найти приемлемые критерии для определения различий между экономическим субъектом и субъектом фондового рынка, выделить особенности деятельности субъектов фондового рынка. Для этого можно опереться на классическую, неклассическую и институциональную экономики, на направление «синергетического плюрализма», сгруппировать предметные направления научного знания.

Литература

1. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А. Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки. М., 2013.
2. Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993.
3. Осипов Ю.М. Время философии хозяйства. М., 2003.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
5. Rescher N. Rationality: A philosophy inquiry into the nature and the rationale of reason. Oxford, 1998.

Молодежная субкультура и социальная мифология

к.ф.н. Малахова Е.В.

Университет машиностроения,
elena_malahova@bk.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает современную молодежную субкультуру как феномен, порожденный одновременно как сегодняшними тенденциями культуры, так и архаичными ее пластами. Понятие мифа и мифологии исследуется для того, чтобы выявить связь между структурной и содержательной составляющими субкультуры.

Ключевые слова: субкультура, миф, символ, структура, язык

Современная молодежная субкультура – до сих пор чрезвычайно сложный для изучения феномен, во многом в силу своего разнообразия и внешней противоречивости. Даже рассматривая ее как нечто относительно целостное, нельзя забывать, что она состоит из конгломерата более мелких субкультур, объединить которые позволяет лишь наличие общих законов их функционирования и вовлечение молодёжи как социальной группы. Эти отдельные субкультуры часто обладают различной направленностью, хотя и развиваются в едином социальном и культурном континууме. Субкультуры хиппи, панков, металлистов, готов, эмо, реперов и многие другие в данный момент существуют рядом друг с другом, взаимодействуя различными способами. При этом базовая культура, а также социальная, экономическая и демографическая обстановка современного общества одинаковы для них всех. Если предста-

вить каждую из этих субкультур как язык, то мы получим множество языков с одинаковой «грамматической» структурой, но различным «словарным запасом». Между субкультурами и по отношению к базовой культуре возможен, конечно же, «перевод», который некоторые исследователи, в первую очередь этнографы, и видят своей основной задачей.

Внутри молодежной субкультуры постоянно происходят попытки выделить те или иные направления, обособить их с тем, чтобы иметь возможность легко отличить; в то же время для понимания структурных особенностей и динамики субкультуры важно как раз вписать ее в более обширный культурный контекст.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на субкультуры – обилие разнообразной символики. Однако символы, как известно, не появляются на пустом месте. Часто они являются проявлением и квинтэссенцией особого синкретичного восприятия мира – мифологического восприятия. Именно такое понимание действительности, как мы полагаем, свойственно молодежной субкультуре, неосознанно воспроизводящей некоторые из архаичных, давно ушедших в прошлое культурных феноменов и паттернов поведения.

Существует множество определений мифа. Некоторые из них мы здесь приведем.

Один из наиболее авторитетных исследователей, Мирча Элиаде, пишет, что «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена... Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления» [8, с. 11-12].

Интересную точку зрения высказывает В.М. Пивоев. В работе «Мифологическое сознание как способ освоения мира» он анализирует и пытается примирить между собой различные трактовки мифа, находя в них общее. Он считает, что «миф сам по себе, будучи сложным явлением, не может быть адекватно зафиксирован в какой-либо из знаковых систем. Миф, выраженный в слове, уже не совсем миф. Подлинный миф – это субъективная реальность мифологического сознания... Адекватное представление о мифе (точнее, приближение к нему) даст лишь совокупность знаковых систем» [7, с. 10-11]. Пивоев выделяет следующие трактовки мифа: «1) древнее представление о мире, результат его освоения; 2) сюжетно оформленную и персонифицированную догматическую основу религии; 3) используемые в искусстве древние мифы, которые функционально и идейно переосмыслены, превращены, по существу, в художественные образы; 4) относительно устойчивые стереотипы массового обыденного сознания, обусловленные недостаточным уровнем информированности и достаточно высокой степенью доверчивости; 5) пропагандистские и идеологические клише, целенаправленно формирующие общественное сознание» [там же, с. 14].

Миф можно трактовать чрезвычайно широко. Так, Кессиди называет миф «специфически чувственным представлением, своеобразным мироощущением, а не миропониманием» [5, с. 46], которое по своей природе синкретично и несет, по мнению ученого, не столько объясняющую, сколько социально-практическую функцию. Из этого утверждения вытекает, что миф отнюдь не только наследие архаического сознания, а постоянно воспроизводящийся в культуре механизм или, если угодно, способ примирения человека с реальностью и придания ей смысла. И этот процесс «осмысления» существующего не зависит от накопленного багажа научных знаний, так как действует в той сфере, которая не имеет отношения к науке.

Миф как способ придания личностному бытию смысла рассматривает и А.Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа». Лосев пишет, что миф – это «диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще, ... жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность, ... живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вненаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность, принципиальную закономерность и структуру» [4, с. 105-106].

Многие исследователи мифа подчеркивают ту роль, которую играют в нем символы. Лосев идет здесь, возможно, дальше всех, говоря, что сам по себе миф «не есть ни схема, ни аллегория, но символ; и, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои» [там же, с. 106]. Лосев называет миф «образом бытия личностного» [там же, с. 108]. Миф, таким образом, одновременно образ бытия

самой личности, ее неотъемлемая часть, и также миф есть образ личностного в бытии, нечто имманентно присущее восприятию мира.

Через символы человек придает смысл всему существующему. Понять нечто символически – значит увидеть в явлении некую сущность, которую оно означает и одновременно скрывает в себе. Превращая разрозненные явления действительности в цепочки смыслов, человек вписывает их в мифологическую картину мира, которая призвана не описать и даже не объяснить, а примирить его с реальностью. Антропоморфизм ли это? Возможно, но он так же неистребим, как вопросы о смысле собственного существования, которые хоть раз в жизни тревожат каждого из нас. Наше рациональное, без усталости исследуя наблюдаемое, может ответить на вопрос «как», но вопрос «зачем» не перестанет занимать нас.

В юности вопросы о смыслах стоят очень остро. Сталкиваясь с новыми и часто враждебными явлениями и окружением, подростки вполне логично спрашивают себя и окружающих: «Зачем все это? И к чему я – здесь?» На эти вопросы, заданные прямо и просто, часто не умеют ответить ни родители, ни педагоги, ни сверстники. Ведь надо обладать большой честностью и большим мужеством, чтобы на экзистенциальный вопрос всех эпох дать единственно возможный ответ: «Я не знаю».

Но личность способна сама творить отсутствующие и потерянные смыслы. И очень симптоматично, что молодежная субкультура возникла именно тогда, когда стали сдавать свои позиции религии и идеологии, которые способны придать смысл и существованию отдельных индивидов, и общества в целом, и даже всей человеческой истории. Когда молодые люди оказались в мировоззренческом вакууме, они заполнили его сами. Как? Они создали свои собственные мифы.

Как пишет Кессиди, «чего-либо невозможного для мифа не существует» [5, с. 60]. Автор говорит именно о современных мифах, когда называет их «прорывом» судьбы, освобождением от оков бытия или внешней необходимости, ... преодолением противоположности между мечтой и действительностью, между желаемым и возможным, равно как между идеальным и реальным, вечным и временным, всеобщим и единичным и т. д. в воображении и с помощью воображения» [там же].

Сходную точку зрения высказывает и Мирча Элиаде, когда пишет, что основная функция мифа «состоит в том, чтобы предоставить модели для подражания во время ... вообще любых значимых действий» [8, с. 14]. Через мифы мир раскрывает себя человеку [там же, с. 137-139].

Примечательно, что Элиаде, говоря о мифах, также не обходит вниманием современность. Он говорит о мифах, создаваемых средствами массовой информации, о персонажах массовой культуры как о современных мифологических героях. Как и многие другие авторы, Элиаде признает, что мифологическое сознание отнюдь не кануло в лету. Оно продолжает жить и в наше время, находя себе новые формы воплощения.

Миф подразумевает постоянное воспроизводство самого себя в действиях тех, кто им руководствуется. Он дает смысл не только «сейчас», но и «вообще».

Мифы позволяют «говорить» с реальностью, вступать с ней в диалог. Она больше не враждебна и бессмысленна, к ней, оказывается, можно подобрать ключ, с ней можно говорить на языке символов.

Миф позволяет интерпретировать действительность, «перевести» ее на понятный человеку язык, потому что через миф она сама становится языком. Посредством мифа человек приспособливает реальность к своему способу мышления.

Современная реальность такова, что в ней готовых подобных мифов, видимо, не хватает. И это вызывает к жизни новые формы «мифологизации» действительности, необходимые для ее осмысления, то есть для наделения ее смыслом, как и своей жизни и деятельности в ней.

Молодежная субкультура, помимо проблем социализации, НТР и т.д., возможно, вызвана к жизни еще и этой недостаточностью в современной культуре мифов, которые придали бы смысл реальности и жизни индивида в ней.

В молодежной субкультуре находят отражение идеи, глубоко скрытые в нашем сознании (или даже подсознании) – в этом ее особое обаяние, то, что привлекает к ней, создает ту атмосферу, которая прекрасно чувствуется интуитивно, но так трудно выразима словами.

Мифы, о которых мы говорили выше, присутствуют в субкультуре, но не всегда явно, и иногда только символика указывает путь к ним. Однако символы не исчерпывают собой всего многообразия феноменов субкультуры.

Согласно нашей гипотезе, в субкультуре помимо знаков-символов есть ещё один вид объектов, которые можно классифицировать как знаки. В то же время эти объекты можно также считать частью мифологии субкультуры.

Молодежная субкультура создает свой стиль, однако при этом она очень многое заимствует из других культурных контекстов. От символов отличие здесь состоит в том, что за этими заимствованиями ничего не стоит, они не ведут вглубь культуры и обогащают не содержание, а лишь внешнюю форму молодежной субкультуры. Это просто формы, вырванные из контекста и лишённые изначального наполнения. В одних субкультурах их больше, в других меньше, однако именно они создают пространство субкультуры, во многом формируют ее эстетику и присущий ей стиль.

Чтобы объяснить этот феномен, мы обратились к «Мифологиям» Ролана Барта, так как там описан не архаичный, а именно современный способ создания мифов, имеющих с древней мифологией не так много общего.

Такой выбор продиктован тем, что Барт выявляет закономерности в культуре именно того периода, когда появилась современная молодёжная субкультура. Ценность работ Барта для нас состоит в том, что он показал, каков процесс появления неких субструктур в культуре западного общества второй половины XX века.

Один из ведущих структуралистов, Клод Леви-Строс пишет, что мифы возникают в языке и сами становятся языком особого рода. «Миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удаётся ... отделиться от языковой основы, на которой он сложился» [3, с. 187]. С этим «отделением» связана возможность перевода, переказа мифа, его бытования во множестве различных вариантов.

Барт работает с более поверхностным структурным срезом, для которого он уточняет положение Леви-Строса о происхождении мифов из языка: «В мифе мы обнаруживаем ту же трехэлементную систему: ... означающее, означаемое и знак. Но миф ... создается на основе некоторой последовательности знаков, которая существует до него; миф является вторичной семиологической системой. Знак ... первой системы становится всего лишь означающим во второй системе» [1, с. 78].

Что касается цели мифов, то Леви-Строс в итоге определяет её как «логическую модель для разрешения некоего противоречия» [3, с. 206], тем самым приписывая мифу объяснительную функцию.

Если Леви-Строс рассматривает миф как повествование, элементами которого могут быть действующие лица, имена собственные и т. д., то для Барта миф – это знак языка второго порядка, языка о языке. Поэтому Барт акцентирует внимание на возникновении и различных способах интерпретации этих мифов-знаков и не может отвлечься от конкретных означающих и означаемых. Иначе знак можно будет лишь определить как знак, но не понять его смысл. Хотя «для определения мифа важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается» [1, с. 73], в процессе понимания речь всегда идёт о «конкретном изображении, имеющем данное значение» [там же].

Мифы, интересующие Барта, создаются вполне осознанно, в отличие от тех, которые занимают Леви-Строса. Их назначение – служить своеобразной «декорацией» неких концептов, как правило, эстетически значимой, чтобы, привлекая внимание к себе, сделать лёгким и, что называется, безболезненным восприятие этих самых скрытых за ними концептов. Ведь описанные Бартом мифы действительно воздействуют, в основном, эстетически на тех реципиентов, для которых они и были созданы, – потребителей или «читателей» мифов. А читатель тем и отличается от критика или от мифолога, что единственная форма комментария, на

которую он способен, – это подражание [там же, с. 373-374].

Ролан Барт несколько «видоизменяет» идею Леви-Строса о том, что «в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в мышлении научном, и человек всегда мыслил одинаково «хорошо» [3, с. 207]. Иронизируя, Барт показывает, что на самом деле человек, скорее всего, всегда мыслил одинаково «плохо», подчиняясь «идеологии» в той или иной форме.

Однако время показало, что возможна и другая ситуация, которую Барт мог бы посчитать парадоксальной. В современном обществе оказалось возможным не только пассивное поглощение мифов-знаков, целенаправленно созданных СМИ, но и стихийное появление внутри определённых социальных групп собственных знаковых систем, где подобные мифы играют немалую роль.

Рассмотрим более детально вопрос о природе и происхождении означающих и означаемых мифов, понятых как знаки языка второго порядка.

Подобный миф, являясь вторичной семиологической системой, для своего существования нуждается в первичной системе, представленной так называемым языком-объектом. По отношению к последнему миф выступает в качестве метаязыка. Знак языка-объекта предстаёт означающим мифа. Имея собственный смысл, знаки языка-объекта становятся при этом формой для мифов. Превращаясь в форму, смысл опустошается и обедняется. Но, уточняет Барт, форма не уничтожает смысл целиком, а лишь отодвигает его на второй план. «...Смысл теряет свою собственную значимость, но продолжает жить, питая собой форму мифа... Вечная игра в прятки между смыслом и формой составляет самую суть мифа» [1, с. 82-83]. При этом Барт настаивает на том, что форма мифа не является символом.

Означаемые мифов как знаков Барт называет концептами. Концепт – это предпосылка возникновения современного мифа. Сам по себе концепт – некое представление о реальности, достаточно размытое и нечёткое, «конденсат ... туманных ассоциаций» [там же, с. 84]. Несмотря на это, концепт всегда предназначен для некой определённой группы людей. Кроме того, мифологический концепт может иметь множество означающих.

Говоря об отношении между смыслом и формой в мифе, Барт использует понятие алиби, так как смысл и форма всё время заслоняют друг друга. Не до конца утерянный смысл означающего скрывает то, что это означающее – не более чем форма для концепта. Выбор формы для концепта мотивирован собственным смыслом того знака языка-объекта, который берётся в качестве означающего. Смысл этого знака должен быть связан с концептом в той степени, чтобы знак смог стать формой для репрезентации концепта, образуя миф.

Наблюдения за современной молодежной субкультурой натолкнули нас на мысль, что далеко не все ее знаки являются символами. Общепринятых символов, предполагающих многоступенчатые толкования, оказалось не так уж и много. И, конечно, к ним не сводится весь массив эстетических значений, порождённых субкультурой. Многие из объектов молодежной субкультуры являются порождением именно современной мифологии, ироничного и эклектичного восприятия второй половины XX – начала XXI столетия.

В.П. Крутоус отмечает, что миф, хотя и является порождением архаического сознания, в культуре может видоизменяться, не прекращая свое существование. Наряду с мифом присутствуют понятия мифологема или мифемы как «вторичного продукта мифологического сознания, творческого ... развития основного, исходного мифа» [6, с. 56]. «... Существование мифологем реально, правомерно и даже неизбежно. Относиться к ним сугубо негативно, как к “неподлинным мифам”, едва ли справедливо и методологически плодотворно» [там же, с. 57]. Значение мифологии в культуре, в том числе современной, нельзя приуменьшать. «... Миф – в том числе и послерефлексивный, современный – выполняет также “миростроительную” функцию. В мифе человек строит, во многом бессознательно, свой собственный мир... В мифотворчестве огромную роль играют компенсаторные мотивы и механизмы... Ввиду наличия этой фундаментальной “миростроительной человеческой потребности, существует не только процесс демифологизации, но и ремифологизации. Мифология составляет живую и плодотворную часть современной культуры”» [там же, с. 59-60].

Анализ природы мифологического сознания и видения мира провел А.Ф. Лосев в своем фундаментальном труде об античной эстетике [5].

В мифологическом сознании, как полагает Лосев, само бытие рассматривается эстетически. Сам космос как таковой мыслится как высшее произведение искусства [там же, с. 94]. Прекрасное как продукт незаинтересованного созерцания еще не появилось; в мифологическом мышлении все взаимосвязано и все «заинтересованно» [там же, с. 97-98].

Теперь – как можно применить эти рассуждения к нашему предмету, к молодежной субкультуре? Эта область, казалось бы, невероятно далекая от того античного сознания, которое рассматривает Лосев, на деле обнаруживает некоторые схожие черты. А именно: все пространство молодежной субкультуры ее носителями воспринимается как по сути единый и целостный эстетический объект. Именно специфическая организация пространства, как и античного космоса, определяет подобное отношение. Это пространство «разумно», то есть не хаотично, как это кажется при взгляде извне, а организовано вокруг основного мифа и системы символов как его отражения.

Молодежную субкультуру не стоит, конечно, идеализировать. Подобные воззрения в ней часто не эксплицированы. Если напрямую спросить любого случайного ее представителя, мыслит ли он свою субкультуру как особым образом организованный и эстетически значимый объект, скорее всего, внятного ответа вы не получите. Однако если еще раз обратиться к работе Лосева, можно увидеть, что для исследования такое положение вещей не обязательно создает непреодолимую проблему. Если эстетическая область очень слабо отделена от «объективной действительности вообще и от жизни или деятельности человеческого субъекта» [там же, с. 101], исследователь должен провести это разделение сам, что будет вполне правомерно, ведь отсутствие формальных представлений об эстетике ничуть не мешает выносить эстетические суждения.

Видимо, представление всего пространства (в том числе пространства субкультуры) как целостного объекта, упорядоченного посредством многочисленных кодов, созданного в соответствии с неким замыслом (отраженным в мифе, воплощение которого и является целью), а также эстетически значимого, – это и есть квинтэссенция мифологического сознания молодежной субкультуры.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989.
2. Левикова С.И. Молодёжная субкультура. М., 2004.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., Академический проект, 2008.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
6. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). СПб, Алетейя, 2003.
7. Крутоус В.П. Эстетика и время. Книга взаимоотражений. СПб.: Алетейя, 2012.
8. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. – Петрозаводск: Карелия, 1991.
9. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000.
10. Малахова Е.В. Эстетика символа в современной молодежной субкультуре // Известия МГТУ «МАМИ» № 4(18), 2013, т. 2.